

ОБ ИДЕЕ ДВОЙНИЧЕСТВА
ПО НЕКОТОРЫМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ ДАННЫМ

Л. А. АБРАМЯН

Образ двойника является одним из универсальных и исключительных по своей значимости образов в истории культуры. Идея удвоения, то есть некоего «второго аспекта», часто лежит в основе как древнего религиозного обряда и мифа, так и древней комедии и литературы вообще¹, и не только древней. Парный образ героя и его двойника тесно связан с другой универсальной парой—мифическими близнецами, являющимися, как показал А. М. Золотарев, порождением дуальной организации² и играющими поэтому важную роль в обрядовой жизни архаических коллективов. Всякий парный образ, как двойников, так и братьев-близнецов, строится по одному из двух принципов соотношения: члены пары могут отождествляться между собой или, наоборот, противопоставляться.

Мы рассмотрим сначала те механизмы, посредством которых осуществляется отождествление. Отметим, что у «примитивного» человека уже само различие вещей может отличаться от нашего. Иногда члены архаических коллективов не делают различий между теми вещами, которые для нас явно неравнозначны, и наоборот, различают неразличимые с нашей точки зрения вещи. И, видимо, дело не в том, что они неспособны на привычные для нас оценки, а в том, что в силу тех или иных причин у них установилась другая система оценок. Например, чукчи могут свободно различать оттенки в цветовом спектре—они безошибочно указывают русское название того или иного оттенка,—хотя в их языке имеется лишь один термин для всего спектра³, то есть чукча раньше не делал различий там, где это делаем мы. Или же обратный пример: тробрианец ни за что не признает сходства между очень похожими на наш взгляд братьями, хотя он и не отрицает сходства каждого из них с их отцом⁴. Заметим, что если в случае с чукчей сказываются, возможно, особенности его суровой жизни, то во втором случае решающую роль играет, по-видимому, социальный фактор—конкуренция материнского и отцов-

¹ См., например, замечательную работу О. М. Фрейденберг «Происхождение пародии», в кн.: «Труды по знаковым системам», VI («Ученые записки Тартуского гос. ун-та», вып. 308), Тарту, 1973, стр. 490—497.

² А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964.

³ Эти сведения о цветовом зрении чукчей любезно сообщены мне И. И. Крупником.

⁴ Ребенок не должен быть похожим на свою мать и ни на кого из родственников по материнской линии. Указание на такое сходство воспринимается тробрианцами как серьезное оскорбление. См. B. Malinowski, The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia, London, 1948, стр. 174—177.

кого права⁵. Причем этот мощный фактор может даже привести к психологическому эффекту различения объективно неразличимых вещей. О возможности такого явления может говорить и то, что при душевном расстройстве один из близнецов способен потерять чувство своего тождества с братом⁶. Таким образом, чукча мог бы различать, но не делает этого, а тробрианец в некоторых случаях даже и не может проводить объективного сравнения.

Удобно проследить подобное явление на примере близнецов, так как известно, что в противоположность разнояйцевым близнецам однояйцевые практически неотличимы друг от друга. Однако «примитивный» человек, оказывается, не принимает этого во внимание, он сравнивает близнецов по другому признаку—по признаку их одноплодности или разноплодности⁷. Характерно, что не всегда такая система оценок является следствием недостаточной осведомленности о физиологических особенностях рождения близнецов того или другого типа — например, зулусам известно, что однояйцевые близнецы имеют одну плаценту и пуповину, однако это никак не влияет на вышеуказанную классификацию по признаку пола⁸.

Итак, близнецы одного пола считаются идентичными независимо от того, гомозиготны они или нет. Обычно стараются даже одевать их одинаково, в наше же время такую «привилегию» имеют только однояйцевые близнецы⁹. Это лишний раз показывает, что механизмы отождествления у первобытного и современного человека не всегда совпадают. Часто на близнецов, как, например, в стране Бихе (Ангола), «смотрели, как на одного человека: кормили вместе, били вместе, выдавали замуж за одного мужа или женили на одной жене и умирать предоставляли также вместе»¹⁰.

Такое отождествление, разумеется, связано с системой взглядов всего коллектива, но не самих близнецов. Однако интересно, что современные исследования обнаружили сходную картину и в психологии близнецов¹¹—ср. описанную П. Лякомбом навязчивую потребность однояйцевого близнеца-невротика воссоздать свою утраченную целост-

⁵ См. по этому поводу (с примером обратного соответствия — дети похожи на мать, но не на отца): E. Leach, *Rethinking Anthropology*. London, 1961, стр. 8–20.

⁶ T. Thass-Thienemann, *The Subconscious Language*, N. Y., 1967, стр. 52.

⁷ E. M. Loeb, *The Twin Cult in the Old and New World*, „Miscellanea Paul Rivet Octogenario Dicata. Congreso internacional de Americanistas“, XXXI, Mexico, 1958, v. I, стр. 154.

⁸ Там же, стр. 151–152; А. Т. Брайант, *Зулусский народ до прихода европейцев*, М., 1957, стр. 373.

⁹ E. M. Loeb, указ. работа, стр. 154.

¹⁰ А. Т. Брайант, указ. работа, стр. 374.

¹¹ Правда, здесь оказалось существенным, о каком типе близнецов идет речь. Предлагается даже методика лечения однояйцевых близнецов-невротиков через особую стадию, в которой они психологически превращаются в разнояйцевых—см.: P. Lacombe, *The Problem of the Identical Twin as Reflected in a Masochistic Compulsion to Cheat*, „International Journal of Psycho-Analysis“, 1959, v. 40, p. 1, стр. 11.

ность¹². Опрос и наблюдения выявили более частое желание однояйцевых близнецов носить одинаковую одежду по сравнению с разнояйцевыми парами¹³. Однако это желание не всегда совпадает с желанием меняться одеждой со своим близнецом¹⁴. В связи с последним можно вспомнить, что у всех народов близнецам дают особые, несовпадающие имена¹⁵. Отождествление близнецов далеко не полно, и в этой неполноте совпадения скрыт тот остов, на котором собирается сложная, но четко работающая машина—весь дуалистический миф и ритуал. Причем если надделение близнецов разными именами выражает их нетождественность с точки зрения коллектива, то есть с внешней точки зрения, то нежелание надевать одежду своего близнеца связано с их «внутренней» нетождественностью. Возможно, что указанное функциональное соответствие имени и одежды не совсем случайно. Укажем хотя бы на широко распространенные народные способы обмана злых сил посредством подмены как имени, так и одежды новорожденного¹⁶. Пока что нас больше будет интересовать внешняя точка зрения, так как ниже речь будет идти об оценке двух вещей извне, и наблюдатель не будет являться одновременно и оцениваемой стороной. В других же случаях, например при оценке своего двойника или же при изучении системы взаимных обязанностей в дуально-экзогамном коллективе, необходим взгляд как «извне», так и «изнутри».

То, что близнецам даются несовпадающие имена, строго говоря, еще не означает их нетождественности. Более того, формально это и есть условие их тождественности: две вещи тождественны, если они совпадают во всем, кроме своих мест; именно тогда мы можем говорить о двух тождественных вещах, а не об одной. И поэтому надделение близнецов несовпадающими именами соответствует указанному требованию несовпадения их мест¹⁷. Отметим, что связь имени и места не просто формальна. Нередко процесс творения сводится к называнию творимых вещей—в некоторых религиях Бог-творец даже самого себя создает, произнеся свое имя¹⁸. Соотнесение имени и места можно видеть, например, и в том, что после Октябрьской революции многие люди пожелали изменить свое имя¹⁹: перемещение в социальной структуре повлекло за собой соответствующее изменение имени. На ту же глубокую связь этих двух понятий указывает и отмеченное

¹² Там же, стр. 8—9.

¹³ И. И. Канасв, Близнецы. Очерки по вопросам многоплодия. М.—Л., 1959, стр. 254.

¹⁴ Там же; L. Gedda, Studio dei gemelli, Roma, 1951, стр. 903.

¹⁵ Е. М. Лоев, указ. работа, стр. 167.

¹⁶ См., например: б. լաւ յաւ, Վաստրաղան, «Ազգաբնակչան հանդես», 1910, XX «հրթ». № 2, стр. 183.

¹⁷ Этими замечаниями о тождестве я обязан В. Айрапетяну.

¹⁸ S. J. Tambiah, The Magical Power of Words, „Mac“, 1968, N. S., v. 3, № 2, стр. 182—183.

¹⁹ А. М. Селищев, Смена фамилий и личных имен, «Труды по знаковым системам», V («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 284), Тарту, 1971, стр. 493—500.

О. М. Фрейденоберг тождество между именем героя мифологического и фольклорного сюжета и его действиями²⁰, которые и определяют его место в структуре сюжета.

Таким образом, формально близнецы тождественны, но уже то, что что-то у них не совпадает, что их двое, способно породить ситуацию, в которой они могут стать даже абсолютно противоположными. Именно это мы имели в виду, говоря о неполном отождествлении близнецов. Однако близнецы не всегда занимают разные места, иногда они связаны с одним общим местом — например, когда-то они оба разделяли материнское лоно²¹. Причем это общее место не всегда мыслится как одно — даже в материнской утробе близнецам иногда отводятся строго регламентированные места²². И вообще всякое явление воспринимается то как нечто одно, то как совокупность составляющих его элементов. Можно думать, что это чередование взглядов на мир, лежащее в основе любого обобщения, управляет и механизмами отождествления. Вещи, сказавшиеся тождественными (и занимающие два разных места), могут в дальнейшем претендовать на одно и то же место в другом плане — скажем, на одно место в жизни. Поэтому если имеются совершенно неотличимые вещи, то одна из них обязательно хуже — так, в китайской традиции двойник жены оказывается лисой-оборотнем²³. Аналогичное явление зафиксировано нами в сюжете сна одной пятилетней девочке: из двух мам одна всегда была ведьмой. К этому же кругу явлений можно отнести и известный сказочный сюжет, в котором перед героем ставится задача распознать свою невесту среди множества неотличимых от нее существ²⁴. По-видимому, здесь действует некий универсальный закон типа «Каждая вещь должна иметь свое (единственное) место», отраженный в целом ряде пословиц²⁵. Не исключена возможность того, что широко распространенный обычай убий-

²⁰ О. М. Фрейденоберг. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936, стр. 249.

²¹ Примечательно, что Оготеммели, введший Марселя Гриоля в удивительный мир религиозных доктрин догонов, обычно называл мифических близнецов Numto в единственном числе, выражая тем самым их неделимость и целостность (M. Griaule, *Conversations with Ogotemmêli. An Introduction to Dogon Religious Ideas*, London, 1965, стр. 21); это тоже говорит в пользу указанной связи места и имени.

²² См., например: M. Granet, *La pensée chinoise*, Paris, 1934, стр. 105. Ср. армянское ругательство в адрес «твоей доли матери», которым могут обмениваться единоутробные братья.

²³ Цзи Юнь, Заметки из хижин «Великое в малом» (перевод с кит., предисл. и примеч. О. Л. Фишман), М., 1974, стр. 356—357.

²⁴ Ср.: В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, стр. 301—303.

²⁵ В. Даль, Пословицы русского народа, М., 1957: «Два медведя в одной берлоге не уживутся», «Двум головам на одних плечах тесно» (стр. 246), «Было бы болото, а черти будуг» (стр. 295), «Была бы изба, будут и тараканы» (стр. 296), «Нет такой вещи, чтобы не пригодилась к месту» (стр. 466), «Где выросла сосна, там она и красна» (стр. 466), «Плох сокол, что на воронье место сел» (стр. 479), «Знай сверчок свой шесток!» (стр. 371), «Ты у меня и места не найдешь» (стр. 222), «Живой не без места, мертвый не без могилы» (стр. 55) и др.

ства одного из близнецов восходит к этой неравнозначности идентичных вещей. Интересно, что одного из близнецов убивают иногда даже в тех случаях, когда их рождение связывается с предками-божествами²⁶, то есть отрицательное отношение к двойне не обязательно восходит к идее двойного отцовства, одного из близнецов убивают не обязательно потому, что он был зачат злым духом²⁷. Вяч. Вс. Иванов высказал интересное предположение о том, что истоки подобных близнецных ритуалов могут усматриваться даже в некоторых сходных явлениях в обезьяньих сообществах²⁸; если это так, указанный закон, возможно, отражает одно из универсальных свойств высокоорганизованной живой природы.

Попробуем выразить процессы отождествления в символической форме:

1	$A \neq B$	$A \in C, B \in C$	$A \equiv B$
2	$A = B$	$A \in D, B \in D$	$A \neq B$

Здесь АВ это, например, близнецная пара, С—материнское лоно, а D—место в жизни. В первом столбце отражены объективно существующие соотношения. Обычно процессы 1 и 2 следуют один за другим, так что в начале и в конце процесса оказываются те же самые соотношения и на первый взгляд ничего не изменилось—но в середине процесса оценка была иной, и явление уже вобрало в себя некоторую амбивалентность:

1	$A \neq B$	$A \in C, B \in C$	$A = B$	$A \in D, B \in D$	$A \neq B$
2	$A \equiv B$	$A \in D, B \in D$	$A \neq B$	$A \in C, B \in C$	$A = B$

Прониллюстрируем вариант 1 примером из армянской демонологии. В ней известны злые существа (*թշրին*), которые являются чем-то вроде злобных антиподов человека. *Թշըր*, подобно многим представителям нечистой силы, ходит вперед пятками; именно по этому его и вы-

²⁶ A. T. Bryant, *The Zulu People, As They Were Before the White Man Came*, Pietermaritzburg, 1949, стр. 640.

²⁷ Ср.: Л. Я. Штернберг, Античный культ близнецов при свете этнографии, «Сборник Музея Антропологии и Этнографии», т. III, Пг., 1916, стр. 172.

²⁸ Вяч. Вс. Иванов, Проблемы сравнительно-типологического исследования мифологии—доклад, прочитанный 11 мая 1976 г. в Институте этнографии АН СССР. В подтверждение своего предположения докладчик приводил не наше, а чужое объяснение в книге Н. А. Тих «Предыстория общества» (Л., 1970, стр. 125—127) особенность поведения одной самки макаки-резуса, неоднократно пытавшейся отобрать у матери двойни одного из близнецов.

являют. Он обладает еще целым рядом зеркальных свойств—например, делает все наоборот. Он даже может служить человеку, только поручения надо ему давать тоже «зеркальные», надо говорить: «Не делай того-то», чтобы он поступил как раз наоборот. К тому же *րաջր* и связываются с водой, часто они связаны с отражающей водной поверхностью—они живут в корыте, где купают новорожденного, в кружке, из которой пьют воду, или же в воде источников²⁹, то есть эти вредоносные существа являются двойниками-отражениями человека. Мы не будем обсуждать здесь представлений о зеркальности *րաջր* а и нечисти вообще, обусловленной, по-видимому, связью этих образов с «другим» в «я», отметим только, что *րաջր*—это некий античеловек. Вместе с тем он оказывается связанным и с материнским лоном. Происходит это через посредство «молочного родника», дарующего матери обильное молоко и многочисленное потомство, для чего женщины обмывают сосцы грудей целительной водой и воздают почести роднику³⁰. Впрочем, с образом женского лона связан, по-видимому, всякий родник, особенно если это не бьющий из расщелины ключ, а родник, скрытый от нескромных глаз в укромном месте, обрамленное растительностью естественное углубление в земле, наполненное животельной влагой. Возможно, что этот символ вечно плодоносящего чрева перекрывается другой символикой, приписывающей воде оплодотворяющую силу. Сюда примешивается еще и круг представлений, связывающий зачатие с принятием внутрь, откуда и широко распространенный сюжет чудесного зачатия от выпитой воды. Но и здесь может примешиваться символика из другой области, вводящая элементы производительного акта. Например, Цовинар, мать мифических близнецов из армянского эпоса о Сасунских богатырях, зачинает Санасара и Багдасара, выпив две горсточки воды из чудесного родника, вдруг забившего в море, но так далеко от берега, что царевне приходится добираться до него раздевшись³¹. В тробрианском мифе капли воды уже непосредственно проникают в лono заснувшей в своем гроте Болутуквы, даже разорвав при этом ее девственную плевую³². В догонском же мифе вода—это божественное семя, которым оплодотворяет Бог Амма сотворенную им Женщину-Землю, родившую миру первых близнецов³³. Здесь нас интересует только один момент этой богатой символической картины—уподобление родника материнскому лону, особенно если это лono в родовых муках. Как уже говорилось, *րաջր* и живут в воде источников или где-нибудь вблизи них; интересно, что это относится именно к той разновидности *րաջր*'ов (*խաւրարիւն*), которая особенно опасна для роже-

²⁹ II տ. լիւիցիան, Զանգեզուրի հանրո. նրկան, 1969, стр. 299. С. Лисицян употребляет форму «*րաջր*».

³⁰ Ե. լալաշան, указ. работа, стр. 179; его же, նոր-Բալաղեւի գաղապ կալ Գեղարքունիք, «Ազգագրական հանդես», 1907, XVI գիրք, стр. 42; его же, Վաւարական, там же, 1913, XXV գիրք, № 2, стр. 35—36.

³¹ «Давид Сасунский. Армянский народный эпос», Ереван, 1939, стр. 12—13.

³² В. Malinowski, указ. работа, стр. 155—156.

³³ М. Griaule, указ. работа, стр. 18.

ниц³⁴. Они также кишат вокруг роженицы, всячески пытаясь навредить ей и новорожденному. Опасно и первое после родов посещение родника, поэтому женщина царапает землю железным вертелом (*բաշքը* и стелются по самой поверхности земли) и сыплет в воду зерна пшеницы, ячменя или риса³⁵. Если иметь в виду указанное тождество родника и материнского лона, можно думать, что опасность, грозящая молодой матери, как-то связана с плодами этих двух источников. Тогда становятся более понятными двойственные действия матери: она благодарит родник за своего ребенка, но в то же время совершает вредоносные действия над вторым порождением источника, злобными *բաշքը*'ами—вспомним, что *բաշքը* живет в самой воде источника; то есть он неожиданно оказывается не только двойником-антиподом человека, но и его «единоутробным» братом. К тому же он опасен фактически не столько самой роженице, сколько ее ребенку. Даже в том, что во время родов *բաշքը* стремится вырвать печень роженицы и съесть ее³⁶, можно видеть вредоносные действия *բաշքը*'а по отношению к ребенку-плоду: в армянской народной традиции «*ջիգջար*»—букв. «печень»; «сердце»—это средоточие любви (образ сгоревшей от тоски по любимому печени, *էրված ջիգջար*, до сих пор популярен в народных песнях), к тому же мать нередко обращается к ребенку как к своему «*ջիգջար*»'у. Интересно, что «печени» матери грозит постоянная опасность со стороны злых сил: и в период беременности, когда на ее печени может появиться «*թրաքը*»—образование в виде червя или жабы, служащее причиной гибели будущего ребенка³⁷; и во время родов, и непосредственно после них, почему ванские армяне не позволяли роженице спать после родов в течение нескольких часов, в этот самый опасный для новорожденного период, чтобы злые существа «не унесли ее печень»³⁸. Злые силы зорко следят за ребенком с момента его зачатия и до тех пор, пока он не окрепнет в достаточной степени (сорок дней после рождения), и используют любую возможность, чтобы погубить его.

Таким образом, все вредоносные действия *բաշքը*'а по отношению к роженице сводятся к жестокой конкуренции ребенка и его двойника-брата за место в жизни. Но ребенку, конечно, отдается предпочтение, и *բաշքը* навсегда остается нежитью. Что вредоносные существа являются потенциальными конкурентами и двойниками новорожденного, можно видеть и в том, что иногда они подменяют собой человеческого ребенка, отчего и бывают некрасивые и непослушные дети³⁹.

Интересно, что, будучи антропоморфными, *բաշքը* и большей частью являются в виде женщин, но иногда встречаются также *բաշքը*'и—мужчи-

³⁴ Ստ. Հրահրյան, указ. работа, стр. 299.

³⁵ Там же, стр. 302; б. Հալախյան, Ջանգեղուր, «Ազգագրական հանդես», 1893, Դ զիջը, № 2, стр. 89.

³⁶ Ստ. Հրահրյան, указ. работа, стр. 301–302.

³⁷ б. Հալախյան, Վասպուրական, 1910, стр. 182.

³⁸ Там же, стр. 168.

³⁹ Там же, стр. 182.

ны и даже дети⁴⁰. Учитывая, что признак «женский» обычно попадает в тот же классификационный ряд, что и «вредоносный»⁴¹, можно сопоставить *բիշք* ов женского пола с крайними соотношениями нашей схемы ($A \neq B$), а их менее обычные разновидности—со средним ($A = B$).

Другим примером, показывающим работу процесса 1 схемы, может служить обычай, не разрешающий одновременного присутствия двух новорожденных в одной комнате—в противном случае младенцы вступят в смертельную конкуренцию и оба могут заболеть и погибнуть (*բննաւնկալոյ Կրկնն*)⁴². Здесь А и В это пара новорожденных, С—комната, посредством которой младенцы отождествляются, а D—снова место в жизни, за которое борются новорожденные, став друг другу врагами.

Следует отметить, что все эти процессы, конечно, имеют место не на сознательном уровне. И вообще, как верно заметил Станнер, дихотомия «сознательное—бессознательное» не обязательно существенна для символических процессов⁴³.

Если даже в такой далекой от близнецной символики фигуре, как *բիշք*, появляются черты, так или иначе связанные с идеей двойничества, то все образы мифических близнецов уже непосредственно связаны с этой идеей. Мы рассмотрим лишь одну мифическую пару: братьев Санасара и Багдасара из армянского эпоса, положивших начало великим героям Сасуна. Уже зачатие братьев было не равноценным—Цовинар выпила из чудесного ключа горсточку и еще полгорсточку⁴⁴, в одном из вариантов эпоса вода во второй порции была к тому же немного мутной⁴⁵,—в результате чего младший брат Багдасар слабее, нерешительнее и сумасброднее старшего. Можно было бы привести множество примеров из мифологии народов всего мира, где один из двух братьев соотносится с добрым началом, а другой со злым⁴⁶, но здесь нас будет интересовать лишь то, как в рамках одной близнецной пары осуществляется различение или неразличение братьев.

С самого рождения братья различались внешне⁴⁷, а временами их неэквивалентность доводится до гротеска—например, Санасар, искупавшись в чудесном роднике на дне моря и напившись оттуда, вырастет в семь раз, и когда, приобретя чудесные доспехи и коня Джалалли, он возвращается к брату, не решившемуся броситься с ним в море, тот не узнает его и плачет от страха, увидев, как «гора, на гору взгромоз-

⁴⁰ *Ստ. Հրրդշի*, указ. работа, стр. 299.

⁴¹ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период), М., 1965, стр. 178.

⁴² *Ե. Հաճաշի, Վանդրաշի*, 1910, стр. 177.

⁴³ W. E. H. Stanner, On Aboriginal Religion, „Oceania“, 1961, v. 31, № 2, стр. 110.

⁴⁴ «Давид Сасунский», стр. 12—13.

⁴⁵ «Սիւնի ծոցը», հատ. Ա, Երևան, 1936, стр. 876.

⁴⁶ См.: А. М. Золотарев, указ. работа.

⁴⁷ «Давид Сасунский», стр. 14.

дясъ, на него идет»⁴⁸. Но обычно такой большой разницы в размерах и силе братьев нет, соотношение двух порций воды, решившее судьбу близнецов, диктует и другие качества героев. Так, Санасар одолевает сорок богатырей из шестидесяти, Багдасар же справляется с двадцатью—соотношение «два к одному», хотя в указанном эпизоде Санасару приписывается сила в семь раз большая, чем его брату⁴⁹. Во всяком случае братья от рождения неэквивалентны, однако это не мешает им иногда становиться абсолютно тождественными. Например, в одном из вариантов эпоса братья, с разных концов начав крушить вражеское войско, наконец вступают в смертельный бой, и только не сумев одолеть один другого, каждый из них признает в своем окровавленном могучем противнике собственного брата⁵⁰. Или же в другом эпизоде оба спящих брата были до того хороши собой, что посланцы дочери царя каджей так и не смогли опознать Санасара и ошибочно опустили письмо царевны на постель Багдасара⁵¹. Однако порой неэквивалентность братьев доходит до такой степени, что они становятся чужими друг другу. Характерен в этом плане эпизод, описывающий ссору братьев и их смертельный бой, за которым с волнением, плача и причитая, следит мать близнецов. Когда Санасар заносит меч над поверженным Багдасаром, мать с обнаженной грудью бросается к ним и мешает братоубийству. «Мать, ради твоих грудей не убью я его!»—говорит Санасар, близнецы мирятся и становятся «прежними братьями»⁵². Интересно, что мать примиряет своих близнецов тем самым способом, каким в разных частях света кладут конец кровной вражде⁵³, символически превращая кровников в братьев, вскормленных одним молоком. Санасар и Багдасар как бы превращаются в чужих друг для друга людей, но затем вновь становятся братьями, и происходит это через материнское лоно (вспомним среднюю часть нашей схемы, где *ршур* и человек также отождествлялись ввиду их связи с одним лоном).

Может иметь место и обратная картина, частично напоминающая процессы 2 нашей схемы, когда тождественные вещи наделяются отличиями. Например, Возлюбленные Близнецы в мифологии зуны, вместе совершающие героические действия, все же противопоставляются по признакам младший—старший, правый—левый⁵⁴, однако любопытно, что прообразы Возлюбленных Близнецов, перешедшие к зуны из мифо-

⁴⁸ Там же, стр. 46—48.

⁴⁹ Там же, стр. 90.

⁵⁰ «*Ушшш днбр*», стр. 154.

⁵¹ «Давид Сасунский», стр. 67—68.

⁵² «*Ушшш днбр*», стр. 882—884.

⁵³ «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 181, 499—500; т. II, 1962, стр. 403; «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965, стр. 544; В. Heiderich, *Genese und Funktion der Rache. Gleichzeitig ein Beitrag zum Problem der Universalrechtsinstitute*, Köln, 1972, стр. 57, примеч. 16.

⁵⁴ А. М. Золотарев, указ. работа, стр. 164—165; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*, М., 1974, стр. 276.

логию керес, по-видимому, некогда оба были «левыми» — признак левизны соотносился с мужским полом и с силой, и все мужчины керес в знак своей причастности к близнецам — богам войны должны были носить предохранители от удара тетивы лука на левой руке⁵⁵.

Рассмотренные нами пары близнецов не являются антагонистическими. Любопытно, что в одном из вариантов эпоса у Синам Керима (*Սինամ Գերիմ*, соответствует Санасару других вариантов) рождаются близнецы Давид и Вего, уже являющиеся традиционными братьями-антиподами⁵⁶ — резкое противопоставление близнецов здесь осуществляется только в следующем поколении. Можно думать, что в этом случае мы имеем дело с вырожденным вариантом — Вего обычно приходится Давиду дядей, и, кроме того, здесь отсутствует целый ряд героев эпоса; но важно то, что идея двойничества особенно ясно видна именно в простых, не загроможденных действующими лицами сюжетах. Причем показательно, что именно Санасар, имеющий еще не ярко выраженного антипода-двойника, рождает антагонистических близнецов. В других же случаях рождения близнецов от близнецов виновниками их рождения оказываются оба близнеца, например герои «Махабхараты» Накула и Сахадева были рождены младшей женой Панду от двух Ашвинов⁵⁷. Интересно, что, согласно эпосу, род Багдасара угасает после его смерти — двойник как бы исчезает, герой же раздваивается в новую, уже резко антагонистическую, пару. Таким образом, двойник не может просто исчезнуть, он вечно возрождается, чтобы всегда составлять с героем неразлучную пару.

Ввиду того, что двойник обычно наделается зеркальными чертами и во многом связан с отражением в зеркале, можно говорить даже о некоем универсальном законе, требующем одновременного присутствия человека и его отражения. Не вызывает сомнений то, что этот закон является результатом повседневной практики человека, привыкшего к своему отражению, какие бы свойства ему ни приписывались. Если двойник «плохой», закон может выражаться, например, в виде пословицы «Около святых черти водятся»⁵⁸, в других случаях он порождает целый класс пожеланий — можно назвать их пожеланиями при двойнике, — например: «Если [кто-либо] увидит себя [отраженным] в воде, то пусть произнесет: «[Да будут] у меня свет, сила, слава, богатство, доброе дело»⁵⁹. К этому классу относятся, по-видимому, и пожелания на китайских бронзовых зеркалах тан-сунского периода⁶⁰. Тот же закон требует, чтобы в зеркале отражались не праздные картинки, а ре-

⁵⁵ J. Miller, Priority of the Left, „Man“, 1972, N. S., v. 7, № 4, стр. 646–647.

⁵⁶ «Սինամ Գերիմ», հատ. Բ, Երևան, 1944, стр. 225–246.

⁵⁷ «Махабхарата. Адипарва», М.—Л., 1950, стр. 272.

⁵⁸ В. Даль, указ. сборник, стр. 178.

⁵⁹ «Брихадараньяка упанишада» (перевод с санскрита, предисл. и комментарии А. Я. Сыркина), М., 1964, стр. 151.

⁶⁰ Г. Г. Стратанович, Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование, «Восточно-азиатский этнографический сборник», II («Труды Ин-та этнографии», н. с., т. LXXIII), М., 1961, стр. 62.

альные вещи, причем иногда допускается нарушение условия единства места и времени для человека и его двойника. Именно по такому принципу построено волшебное зеркало, которое отражает вещи, происходящие в другом месте, а во время девичьих гаданий в зеркале отражается то, что будет.

Требование соответствия отражения отражаемому особенно наглядно видно в свадебной обрядности. Так, во многих концах земного шара жених и невеста смотрятся в одно зеркало⁶¹—состояние неразлучности создается и у двойников смотрящихся, и только в этом случае неразлучность будущих супругов оказывается реальной и полноценной⁶². В Китае в танское время эта неразлучность подчеркивалась тем, что на обратной стороне свадебных зеркал обычно изображалась пара птиц⁶³. Часто в зеркало смотрится только невеста—например, у лакцев невесту встречают родители жениха, которые подносят к ее лицу зеркало⁶⁴. Возможно, здесь сказываются свойства зеркала, позволяющие ему показывать суть вещей, что делает зеркало оберегом⁶⁵. Не исключено, что в данном случае одно и то же свойство зеркала—показывать внутреннее—служит двум противоположным оценкам невесты: она и чужая, вредоносная, которую проверяют на зеркало, но в то же время она источник продолжения рода, и зеркало способствует ее плодородию; ср. обычай кашкайцев ставить зеркало и сосуд с водой против места, предназначенного для новобрачной⁶⁶.

Неразрывность пары «человек и его двойник» видна и в другом классе поверий, связывающих гибель двойника со смертью другого члена пары. Например, разбитое зеркало предвещает смерть в доме—то есть «смерть» двойника в зеркале влечет за собой смерть отражаемого, причем не обязательно виновника поломки, а любого потенциального хозяина отражения. Сюда же, видимо, восходят корни страха детей перед фотографированием: «Если дядя сделает мое фото, то я умру»,—объяснил мне трехлетний ребенок причину своего отказа фотографироваться, имея в виду, скорее всего, неподвижность фотоснимка. Черная магия по той же формуле уже сознательно готовит убийство жертвы—ср. практику вольтов или сходные вредоносные действия над изображением жертвы. И наконец, в близнецных мифах смерть одного из близ-

⁶¹ См., например: «Чердынская свадьба», Пермь, 1969, стр. 176; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 616. Сюда же можно отнести и историю Ло Чан, возвращение которой к мужу уже буквально связано с соединением половинки сломанного зеркала: Цзюнь Юнь, указ. кн., стр. 191—193, и комментарий на стр. 470.

⁶² Интересно, что сходный мотив можно заметить и в современной свадебной фотографии, остающейся висеть на стене в течение всей супружеской жизни.

⁶³ Е. И. Лубо-Лесниченко, Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири, М., 1975, стр. 19—21.

⁶⁴ «Народы Кавказа», т. I, стр. 497.

⁶⁵ Ср. традиционный образ китайского волшебного зеркала, перед которым лисы-оборотни не могут сохранить своей личности—см., например: Ван Ду, Древнее зеркало, «Танские новеллы», М., 1970, стр. 15—26.

⁶⁶ «Народы Персидской Азии», М., 1957, стр. 282.

нецов автоматически влечет за собой смерть другого⁶⁷. Но если в случае с близнецами безразлично, который из них умрет первым, то для пары «человек и его двойник», по-видимому, имеется существенная неоднозначность в приоритете гибели. Рассмотрим, например, известный многим народам обычай завешивания зеркал в доме, где есть покойник. На этот раз первым умирает человек, но двойник не погибает вместе с ним, а может еще долго жить в зеркале, поэтому его искусственно ликвидируют, завешивая зеркала⁶⁸. Двойник в зеркале, вообще говоря, так и не умирает: после смерти человека он часто продолжает существовать в виде его души⁶⁹.

Возможно, что с рассматриваемым классом явлений смыкается другой интересный мифологический образ—иногда злые существа выступают также спаренно или даже в многократно повторенном виде. Но любопытно, что убить их можно, лишь убив всех членов комплекса. Таковы бохолдой, мифические злые существа Западной Бурятии, которые водятся скопом и которых можно уничтожить только прострелив сразу всех членов группы⁷⁰. Возможно, что широко распространенный образ двуглавого⁷¹ или многоглавого чудовища, которому культурный герой отсекает все его головы, связан с тем же условием одновременного поражения всех компонентов комплекса, только на этот раз множественность представителей нечистой силы воплотилась в многоголовости чудовища. Можно предположить, что рассматриваемый способ борьбы с такими парными или множественными отрицательными образами в первобытной мифологии восходит к указанному свойству неразрывности человека и его двойника. Интересно, что так можно убить не обязательно отрицательных героев, иногда это единственно возможный способ борьбы с любым парным образом. Только одновременно уничтожив Винггингаргу и его половой член, постоянно превращавшийся после смерти Винггингаргу в его двойника, одна легендарная прародительница избавила мир от проделок неугомонного австралийского инцестуозного предка⁷².

Тот же закон неразлучности человека и его двойника действует и для пары «человек и его тень». «От своей тени не уйдешь»—гласит на-

⁶⁷ А. Н. Кларре, *Mythologie universelle*, Paris, 1930, стр. 84—85.

⁶⁸ Другим, более очевидным объяснением этого обряда может быть нежелание иметь в доме еще покойников: множественность отражающихся в зеркалах покойников может повлечь реальную множественность смертей.

⁶⁹ Э. Б. Тейлор, *Первобытная культура*, М., 1939, стр. 268; А. Ф. Анисимов, *Представления эвенков о душе и проблема происхождения анимизма*, «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования» («Труды Ин-та этнографии», н. с., т. XIV), М., 1951, стр. 111, 116.

⁷⁰ Этими сведениями о природе бохолдой я обязан Н. В. Абаеву.

⁷¹ Мы не имеем в виду образ змея с головами на обоих концах тела, источником которого, возможно, послужили змеи типа тропических и субтропических *Amphisbaenians* с коротким утолщенным хвостом; см. K. Bircketh-Smith, *Studies in Circumpacific Culture Relations*, 4. The Double-Headed Serpent, København, 1973.

⁷² M. J. Meggitt, *Gadjari Among the Walbiri Aborigines of Central Australia*, «Oceania», 1965, v. 37, № 2, стр. 131—136.

родная пословица⁷³, а басуто даже верят, что когда человек ходит по берегу реки, крокодил может схватить его тень в воде и втянуть его таким образом в воду⁷⁴. Так же, как и в случае с двойником-стражеником, гибель или потеря тени влечет за собой смерть человека⁷⁵; у индейцев алгонкинов все представления о природе болезни основаны на идее неразлучности человека и его тени—болезнь вызывается тем, что тень больного отделена от его тела, и выздоравливающий должен соблюдать известную осторожность, прежде чем тень прочно в нем не утвердится⁷⁶. Согласно русскому поверью, «Если у одного из сидящих за кутьей нет тени, то он скоро умрет»⁷⁷, а мертвец или другой представитель потустороннего мира вовсе не отбрасывает тени⁷⁸. Для рассматриваемой пары также характерна асимметричность в приоритете гибели. Тень-двойник тоже обладает большей самостоятельностью и живучестью—после смерти человека его тень удаляется в царство мертвых⁷⁹.

Вообще стражение и тень часто мыслятся вместе. Например, фиджийцы различают «темную душу» человека, или тень, и его «светлую душу», или отражение в воде и зеркале⁸⁰, а в эвенкийском языке названия души и тени, а равно и отражения являются синонимами⁸¹. Объединение свойств тени и отражения может порождать гибридные образы—ср., например, удивительное качество древнего зеркала из танского рассказа отбрасывать тень, на которой отчетливо проступают изображения и знаки, начертанные на его обратной стороне⁸². Это же отождествление отражения и тени можно заметить и в детском творчестве, где иногда тень решается в цвете, наподобие отражения.

Итак, мы видели, что человек и его двойник действительно неразлучны. Но любопытно, что обычно стараются избежать всего, что напоминало бы зеркальность. Например, поставленный перед выбором того или иного типа симметрии человек редко отдает предпочтение зеркальной симметрии. Это можно заметить как в случаях, когда по принципам симметрии расчленяется отдельный человек, так и когда это проделывается над целым коллективом. Первый вариант можно проиллюстрировать, например, армянским народным способом лечения уш-

⁷³ В. Даль, указ. сборник, стр. 274.

⁷⁴ Э. Тейлор, указ. работа, стр. 267.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, стр. 270.

⁷⁷ В. Даль, указ. сборник, стр. 928. Ср. армянское проклятие «Ծղի՛րս կտրվի»—«Да сгинет твоя тень!».

⁷⁸ Именно по этому признаку обычно распознается посланец с того света, а мертвецы в чистилище узнали в Данте живого также по его тени на земле.

⁷⁹ Э. Тейлор, указ. работа, стр. 267—268; A. Lomel, Die Unambal. Ein Stamm in Northwest Australien, Hamburg, 1952, стр. 13, 39.

⁸⁰ Э. Тейлор, указ. работа, стр. 268.

⁸¹ А. Ф. Анисимов, указ. работа, стр. 110, 116.

⁸² Ван Ду, Древнее зеркало, стр. 15—26. Показательно, что в китайском языке иероглиф «тень» охватывает ряд значений, в который входят и «тень» и «отражение»—см.: Е. В. Завадская, Философско-эстетическое осознание тени в классической культуре Китая, «Из истории культуры средних веков и Возрождения», М., 1976, стр. 93.

ных болей: женщина, недавно родившая девочку, сцеживает немного молока из правой груди в левое ухо больного, молоко же левой груди предназначается для правого уха⁸³. Таким образом, в человеческом теле усматривается система перекрестных соответствий⁸⁴, как если бы человек представлял собой центральносимметричное тело. Любопытно, что такая схема неожиданно находит типологические параллели в функциональной связи правого и левого полушарий мозга соответственно с левой и правой половинами тела⁸⁵. Такая же склонность к перекрестным связям обнаруживается и в системах, включающих двух людей или две группы. Заметим, что это самый обычный способ ориентации стоящих друг против друга людей; рукопожатие может служить наглядным примером такой «перекрещенной» структуры. Более того, возможно, что именно отсутствие этого свойства и замена его зеркальностью у нашего двойника-отражения способствовали тому, что двойник приобрел некоторые недобрые качества. Или другой пример: женщины, совершив соответствующие обряды для прибавления молока, начинают кормить детей исцеленной грудью, но каждая мать кормит чужого ребенка⁸⁶, как бы осуществляя перекрестную связь. Видимо, сюда же относятся народные приметы и поверья типа: «Сын на мать походит, дочь на отца—к счастью, и наоборот», «Счастливая дочь—в отца, а сын—в мать»⁸⁷. Можно предположить, что та же стойкая, «архетипическая» связь внесла свой вклад в такое универсальное явление, как система кросс-кузенных браков—лицом к лицу здесь стоят уже две половины коллектива.

ՆՄԱՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ԳԱՂԱՓԱՐԻ ՄԱՍԻՆ

ԸՍՏ ԱԶԳԱՅՐԱԿԱՆ ԵՎ ԲԱՆԱՀՅՈՒՍԱԿԱՆ ՈՐՈՇ ՏՎՅԱԼՆԵՐԻ

Լ. Հ. ԱՐԲԱՀԱՄՅԱՆ

(Ա. մ. ֆ. ո. փ. ո. մ.)

Հողվածում բննարկվում են նմանակի կերպարի հեռ կապված մի շարք հարցեր: Աղգադրական և բանահյուսական հարուստ նյութի, «Սասնա ծռեր» վիպերգության հերոսների՝ առասպելական երկվորյակներ Սանասարի և Բաղդասարի, ինչպես նաև հայկական ժողովրդական որոշ պատկերացումների օրինակներով ուսումնասիրվում են նույնացման մեխանիզմները և դրա հետ կապված սիմվոլիկ պրոցեսների շարժրնթացը:

⁸³ Ե. Լալայան, Վասպուրական, 1910, стр. 179; его же, Նոր-Բայազետի գավառ կամ Գեղարքունիք, стр. 42.

⁸⁴ Вряд ли следует искать причину такого соответствия в одном лишь удобстве во взаимоположении лечашей и больного, стоящих лицом друг к другу.

⁸⁵ См., напр.: В. Пенфильд, Л. Робертс, Речь и мозговые механизмы, М., 1964.

⁸⁶ Ե. Լալայան, Վասպուրական, 1913, стр. 35; его же, Վասպուրական, 1910, стр. 179.

⁸⁷ В. Даль, указ. сборник, стр. 939, 384.